

Герман Казак



# Герман Казак

---

Город за рекой



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.112.2-31  
ББК 84(4Гем)-44  
К14

Серия «XX век / XXI век —The Best»

Hermann Kasack  
DIE STADT HINTER DEM STROM

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства  
Suhrkamp Verlag AG.

**Казак, Герман.**

К14      Город за рекой : [роман] / Герман Казак ; [перевод с немецкого Н. Федоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (XX век / XXI век —The Best).

ISBN 978-5-17-133207-5

«Город за рекой» — книга, которая наравне с произведениями колоссов немецкой литературы Кафки и Юнгера встала в один ряд с классической антиутопией «1984» Оруэлла.

Загадочный и мрачный город без названия. В нем тоталитаризм доведен до абсолюта, контролю подвержены не только поступки и слова, но и мысли жителей.

Однажды сюда попадает ученый-лингвист Роберт Линдхоф, которому в качестве городского архивариуса предстоит заниматься вопросами бессмертия произведений литературы. Здесь он встречает и старых знакомых, и свою прежнюю любовь и лишь тогда начинает понимать, что попал в город мертвых. И нет выхода из этой безнадежности...

УДК 821.112.2-31  
ББК 84(4Гем)-44

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1996  
© Перевод. Н. Федорова, 2022  
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ISBN 978-5-17-133207-5

Когда поезд сбавил скорость и медленно выехал на большой мост через реку, расположенный прямо перед конечной станцией, Роберт подошел к окну купе и еще раз бросил взгляд на оставленный позади берег. Наконец-то он у цели! Облегченно вздохнув, он глянул в глубину, на русло реки, которая была пограничем. По обе стороны у воды тянулись широкие полосы пересохшей заиленной гальки — ведь лето наступило раньше срока. Надо всем этим витал зыбкий сумеречный свет раннего утра.

Ночь Роберт провел на грани сна и яви, отчего дорога показалась ему еще более долгой. Меж тем как поезд подъезжал к перрону сравнительно небольшого вокзала, он в который раз за время поездки удостоверился, на месте ли письмо от городской управы, пригласившей его сюда. Чтобы письмо было под рукой, он сунул его в карман с бумажником, потом взял чемодан и вышел из вагона. Вместе с многочисленными попутчиками он по туннелю добрался до таможенного барьера, где приземистый чиновник с хмурым безразличием проверял документы. Содержимому багажа, состоявшему из предметов, необходимых для ночлега и короткого пребывания, он уделял лишь беглое внимание. Но затем насторожился. Роберт предъявил письмо из Префектуры. Воскликнув: «Проходите!», — дежурный широким жестом пропустил Роберта.

Роберт был здесь чужаком, и никто его не встречал. Он заранее выяснил, что вокзал расположен на изрядном расстоянии от центра города, и, выйдя из туннеля, с радостью увидел на площади трамвай, на который в этот ранний час вовсе не рассчитывал. На вопрос, идет ли трамвай в город — ведь ему надо в Префектуру, пояснил он, — кондуктор сказал: «Заходите». Насколько позволял разглядеть неверный свет, в вагоне сидели скромно одетые люди. Женщины в светлых платках, завязанных под подбородком. На коленях и они, и мужчины держали плетеные корзинки с дорожной снедью, прикрытые полотняной салфеткой. Роберт купил билет и устроился на свободном месте в середине вагона.

Словно только его и ждал, трамвай после короткого звонка тронулся. Скоро они обогнали пассажиров, что приехали тем же поездом и теперь, разбившись на группки, пешком шагали по мостовой в сторону города. Поскольку оконные стекла в вагоне были покрашены голубовато-зеленой краской, четкостью картина похватать не могла. И в окрестностях, где как будто бы уже появились отдельные дома, угадывались всего-навсего их смутные очертания.

Монотонное урчание электромотора укачивало пассажиров, которые и без того провели утомительную ночь в дороге. Головы опускались на грудь, тела покачивались, а на остановках рывком выпрямлялись. Роберт тоже слегка задремал. Только когда большинство попутчиков, знавших, куда им надо, уже успели сойти на своих остановках и из вагона выходили самые последние, его охватило легкое беспокойство. Тщетно он смотрел в окна, погружавшие все и вся в зачарованную синеву. Ни улиц, ни регулярных комплексов построек — ничто вообще не говорило о близости города. Он искал взглядом кондуктора, но не обнаружил и его. Не

знал, что кондуктор и вагоновожатый — одно и то же лицо, и вообразил, что отдан на произвол слепой механики непрерывной езды, которой, казалось, не будет конца. Хотя всего через несколько минут трамвай снова остановился, он утратил чувство времени. И только услышав, как от передней площадки удаляются грузные шаги, встал и тоже вышел.

Судя по всему, здесь трамвайный маршрут заканчивался, рельсы, правда, тянулись немного дальше. Роберт находился на окраине довольно большого города, и ему хотелось узнать, где можно найти пристанище или хотя бы оставить вещи. Однако вагоновожатый, которого он надеялся спросить об этом, исчез, точно сквозь землю провалился. Тусклый свет раннего утра по-прежнему окутывал пыльной серостью дома, заборы, уличные мостовые. В этот час народ еще из дому не выходил, так что вскоре Роберт в нерешительности остановился на овальной площади, от которой ответвлялось несколько улиц. Посередине стоял фонтан, вода которого играла тусклыми бликами. Лепная фигура направляла струю из узкогорлого сосуда в боковую часть бассейна. «Питьевая вода» — гласила маленькая деревянная табличка.

Роберт прислонился спиной к широкому краю каменной чаши и достал письмо городской Префектуры, предлагавшей ему занять особую должность в администрации. Перечитывая скупые строчки, он при всей любезности, в какой было выдержано письмо, вновь отметил и решительность тона, в котором сквозило что-то едва ли не приказное. Какого рода задача ему предстоит, сказано не было. Ну что ж, в первые утренние часы он явится в Префектуру и выяснит подробности.

Чтобы немного освоиться, Роберт глянул по сторонам и обнаружил кое-что весьма странное. От домов на окрестных улицах уцелели только фасады, так что

сквозь ряды пустых окон виднелось небо. С удивлением он шагнул ближе и сообразил, что почти всюду за голыми наружными стенами зияет пустота. Однако испуг от увиденного потихоньку отступил; немногочисленные постройки с неповрежденной кровлей выглядели уже просто чужеродными, не имеющими отношения к руинному облику городского пейзажа.

Тут к фонтану торопливо подошли несколько молодых женщин и девушек и по очереди принялись наполнять свои кувшины, ставя их на железную решетку под струю воды. Глаза их при этом смотрели куда-то вдаль, словно за пределы города, а лица румянились от все более яркого света утренней зари. Платья на них были разных фасонов, однотонные, насыщенных цветов. Роберта не оставляло ощущение, будто он уже встречал кое-кого из них, хотя в точности вспомнить не мог. Поэтому он ничуть не удивился, когда одна отставила полные кувшины, чтобы они не мешали другим девушкам, и подошла к нему. Казалось, ее заинтересовал чемодан, стоявший у его ног, ведь она указала на него, а потом вытянутой рукой махнула на дверь дома напротив. Роберт медлил, и тогда она раз-другой быстро хлопнула в ладоши, подхватила кувшины и кивком велела ему идти за нею, словно надо было торопиться.

Этот жест напомнил ему молодую женщину, которая некогда роковым образом вмешалась в его жизнь. Девушка уже отвернулась, и он лишь вопросительно посмотрел на остальных, а те, продолжая набирать воду, вскользь ему кивнули. Роберт подхватил чемодан и поспешил за девушкой. Походка ее тоже казалась чем-то знакомой: она шла впереди, как бы слегка подчеркивая широкий шаг, и вес кувшинов словно ничуть ее не тяготил. Подойдя к мертвому фасаду, она вошла не в дверь,



а в небольшой соседний проем, который он заметил только сейчас. Аккуратно сделанный, проем вел к каменной лестнице, выходящей вниз в подземный коридор.

По обе стороны тянулись низкие подвальные помещения, куда сверху, через шахту, порой проникал свет. Поскольку двери стояли настежь, а зачастую вообще отсутствовали, Роберт мог мимоходом заглянуть внутрь. По всей видимости, там обитало множество людей. В конце концов провожатая подвела его к довольно глубокой нише, где громоздились ящики, мешки и чемоданы. Знаком она велела ему оставить здесь багаж, а самому пройти в помещение напротив. Лишь когда она хотела продолжить свой путь через подземные коридоры, он крикнул ей вслед:

— И где же я снова найду тебя?

Она остановилась, поставила один из кувшинов на пол. Оглянулась, приложив палец к губам, и многозначительно повторила этот жест еще раз. Свет, однако, был слишком тусклый, чтобы убедиться, Анна это или незнакомка, лишь похожая на нее. Он был один.

Помещение, где очутился Роберт, напоминало старинную монастырскую трапезную. Беленые стены, с потолочного свода свисают на железных цепях допотопные лампы, распространяющие неестественно желтый свет. За длинными деревянными столами сидели группы пожилых мужчин и женщин. Жестяными ложками они черпали из простых металлических мисок горячую жидкость и весьма поспешно несли ко рту. В воздухе висел густой пар — мало что разглядишь, слышался только прерывистый дребезжащий звук, возникавший оттого, что ложки задевали за края мисок или скребли по дну. Содержимое мисок, казалось, не убывало, равно как и голод едоков. Так или иначе, лица их непрерывно дви-

гались, жуя и смакуя. Судя по одежде, здесь были представлены разные слои населения, хотя большинство явно постаралось принарядиться. Невыразительностью манер они походили на манекены, вырезанные из каталога фирмы готового платья, разве что в натуральную величину. Большинство было прямо-таки обвешано украшениями — ожерельями, брошами и галстучными булавками, перстнями и браслетами. От постоянных покачиваний едоков золото и серебро взблескивали, искрились бриллианты и драгоценные камни, будь то подлинные или фальшивые. Многие сидели в шляпах и пальто, как бы готовые в любую минуту отправиться в дорогу. Роберт пробирался среди скамей, высматривая свободное место, — ведь его, наверно, послали сюда перекусить, — как вдруг его окликнули по имени и схватили сзади за плечо.

— Роберт? Как ты сюда попал? — В голосе окликнувшего звучали радость и удивление.

Обернувшись, Роберт увидел своего отца и аж побледнел, но старик не дал ему рта раскрыть, продолжал говорить со словоохотливостью человека, который давно не имел случая высказаться перед слушателями.

— Как замечательно повидать тебя, — тараторил он. — Ты что-то бледный, Роберт, по-прежнему дымишь как паровоз? А я здесь совсем бросил. Как дома? Жена и дети здоровы? Ты доволен, сынок, ну, то есть душевно тоже удовлетворен? Я всегда делаю для тебя все, что могу, ты же знаешь. Жаль, ты не стал юристом, а то бы давно мог возглавить мою адвокатскую практику, дело-то превосходное. Однако тебя тянуло к древностям. Вот мне и пришлось тогда взять Фельбера, знаю-знаю, ты его ни в грош не ставишь, но согласишься, у Фельбера есть свои плюсы. Как я уже сказал, мы ведь поладили, верно? Работе конца-краю нет, вздохнуть некогда.

Кстати, не хочешь с нами позавтракать? Пойдем сядем, места здесь на всех хватит.

Роберт уже не раз тер пальцами глаза под очками. Без сомнения, он слышал голос отца, а вот лицо лишь медленно, исподволь приходило в соответствие с давним представлением. Мотнув головой, он еще больше подался вперед, будто таким манером мог избавиться от наваждения — ведь необъяснимое происшествие казалось ему именно наваждением. В уши опять отчетливо ударило чавканье без устали жующих едоков. Обеими руками Роберт уперся в деревянный стол и сверлил взглядом призрак, притворявшийся его отцом. Разве за свою жизнь он мало наслушался одних и тех же тирад, разве отец порой не казался ему призраком? И вот теперь умершее божеество детства вновь во плоти сидит перед ним?

— Ты ешь, ешь, — подбодрил отец, — горячее всегда на пользу.

— А я-то все время думал, что ты умер, — прошептал Роберт.

— Тсс, — шикнул старик, пытаясь растянуть рот в кривой улыбке, — нехорошо этак говорить.

— Странно... — начал Роберт.

— Что странно? — настороженно спросил отец.

— Встретить здесь тебя, — отвечал Роберт. — Конечно, меня не было дома, когда... — он замялся, подбирая подходящее выражение, — ... когда это случилось.

— Совершенно верно, дома тебя тогда не было, — спокойно ответил старик, — вот почему ты не можешь этого знать.

— Мама мне написала, что ты вдруг... — От волнения Роберт осекся.

— Ты же знаешь мать, — сказал отец, высокомерно усмехнувшись, — ей все всегда виделось в самом черном свете. Когда со мной случился удар — ты, вероятно, за-

метил легкую кривизну в моем лице, — она в душе, натурально, уже со мной распрощалась. А я скрылся от шумихи и, словечком не обмолвившись, обосновался тут, на отдых. И, как видишь, отнюдь не без пользы.

— Но почему ты никогда не писал, — спросил Роберт, — никогда не давал о себе знать?

— Слухи сами собой дойдут, и вообще, жизнь состоит из заблуждений. Ты уж извини. — Отец снова сосредоточился на завтраке.

Роберт смотрел поверх сборища едоков, по-прежнему не в силах примириться с реальностью. Разве не казалось тогда, что отец вправду умер? Несколько месяцев назад, когда Роберт ненадолго заезжал к матери, она была в черном. Впрочем, у пожилых женщин это обычное дело. Об отце они говорили мало и не без смущения, как говорят об отлучившемся. Но в его давнем кабинете ничего не изменилось, будто он в любую минуту мог вернуться. На двери адвокатской конторы, которую теперь возглавлял Фельбер, висела все та же давняя табличка. Вспоминая эти подробности, Роберт вдруг сообразил, что мать ни разу не ходила с ним на кладбище.

— Выходит, ты вовсе не умер? — спросил Роберт, возвращаясь к реальности.

— Да ты посмотри на меня, Фома неверующий! — воскликнул отец, положил ложку на стол и прищурился на сына. — Я ведь выгляжу лучше и в целом моложе, чем раньше, а?

Словно затем, чтобы побороть последние сомнения, Роберт обеими руками схватил отца за плечи и энергично встряхнул:

— И правда ты.

— После трех с лишним десятков лет в браке охотно учинишь окружающим подвох, чтобы вновь остаться наедине с собой.

Роберт услышал довольный смех отца, который помнил с детства.

— Ты все такой же, — с улыбкой подхватил он.

Лампы раз-другой мигнули.

— Словом, — чавкая, продолжил отец, — я не жалею, что поехал тогда сюда. Жизнь, так сказать, инкогнито весьма притягательна. Поскольку же мне без работы неволю, я от нечего делать готовлю документ для бракоразводного процесса «Мертенс против Мертенс». А это дело требует осторожности. Хорошо, что ты тут, ведь нам совершенно необходимо спокойно и откровенно обсудить сей предмет. Не здесь, разумеется, здешняя обстановка не подходит для столь щекотливых материй.

Он слегка презрительно обвел взглядом помещение с кучками мужчин и женщин. Роберт отметил, что отец, совсем как раньше, шумно хлебает суп. Однако ближайшие соседи были так поглощены едой, что не слышали ни разговора, ни вообще происходящего вокруг.

— Разве это дело не закрыто? — спросил Роберт. — Мне казалось, суд еще тогда вынес решение о разводе?

— Возможно, — сказал отец. — Но суд второй инстанции состоится здесь. Для меня это стало лишним поводом переехать сюда. Кстати, ты ведь тоже был замешан в этой истории, а я ловко сумел вывести из разбирательства и тебя, и твои свидетельские показания. Ты же бывал у Мертенсов, верно? И с учетом некоторых высказываний госпожи Мертенс у меня сложилось впечатление, что кой-какие вещи лучше не выставлять на публичное обозрение. Документы у меня не с собой, но, как я уже говорил, при случае мы обсудим все это с глазу на глаз.

— Не исключено, — задумчиво обронил Роберт, — что я совсем недавно видел Анну.

— Здесь? — вскричал адвокат. — Госпожа Мертенс здесь? Это бы весьма продвинуло мою работу с делом.

— Я не вполне уверен, — сказал Роберт. — Мне просто показалось, что сюда меня привела Анна.

— Тут непременно надо разобраться, Роберт. Может, тебя вызвала повесткой противная сторона и ты вообще потому и приехал?

— Да нет, едва ли, — отвечал Роберт, которому разговор начал мало-помалу действовать на нервы. — Я получил вот это письмо, из Префектуры. Пожалуйста! — Он достал из нагрудного кармана бумагу, протянул отцу, и тот внимательно ее прочитал.

— Ценный документ, — с уважением признал он, — составлен непосредственно нашей Префектурой... Такого приглашения мало кто удостоивается. Кроме того, отсюда следует, — добавил он не без гордости за сына, возвращая ему бумагу, — что тебе гарантировано здесь длительное пребывание. А это для нашего брата — главная забота. Ты избежишь многих неприятностей и тревог, тебе ведь не придется постоянно подыскивать резоны, чтобы здесь задержаться. Так что в этом смысле можешь быть совершенно спокоен.

Впрочем, куда больше Роберта успокоило то, что, по мнению отца, письмо вряд ли связано с возможным допросом по поводу Аннина процесса, поскольку Префектура — учреждение сугубо административное и на судопроизводство, работающее самостоятельно, влияет лишь косвенно. Отец считал письмо скорее чем-то наподобие дипломатического паспорта, который обеспечит Роберту доступ в важные инстанции.

Роберт сказал, что вскоре, мол, на месте узнает, чего ради он здесь. Непонятно только, с какой стати отец находится в здешних затхлых подвалах среди этого странного общества.

— Что это за люди? — громко спросил он. — Та малая часть города, какую я видел, своими руинами напоминает место, пережившее землетрясение или войну. Что тут происходит?

— Ты давно здесь? — поинтересовался отец.

— Только что приехал и как раз думал поискать жилье, а угодил сюда.

— Раз ты только что приехал, — с некоторым превосходством сказал отец и на миг выпятил нижнюю губу, — то куда не знаешь, что жизнь, так сказать, протекает под землей. Это вопрос привычки.

Подробного разъяснения Роберт не получил, так как раздался пронзительный звон будильника. По этому сигналу едоки вскочили и всем скопом ринулись к выходу, где возник затор, поскольку проем был слишком узкий. Роберта оттерли от отца, они даже не успели договориться о новой встрече. Затем его подхватил людской поток, который, словно вязкое тесто, медленно протискивался по коридору.

Лишь немного погодя, когда они миновали несколько ответвлений коридора, ему удалось выбраться из толпы. Таблички с непонятными буквами и цифрами указывали в разных направлениях. Он пошел наугад, в надежде, что выбранный путь выведет его из лабиринта наружу. Но всякий раз, когда он пытался обратиться с вопросом к кому-нибудь из спешащих прохожих, тот отрицательно мотал головой, словно занятый куда более важными вещами.